

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

И. Игнатович

Движение крепостных крестьян¹ являлось, как известно, одним из важнейших факторов, разрушавших феодально-крепостнический строй и заставивших царское правительство в 1861 г. отменить крепостное право. «Крымская война, — писал В. И. Ленин, — показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возrastая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу»². «Царское правительство, — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право»³.

Цифровой материал о крестьянских волнениях⁴ ярко иллюстрирует указание В. И. Ленина. С 1801 по 1861 г. (включая только первые два месяца 1861 г. — до 5 марта, дня объявления «манифеста» 19 февраля) насчитывается 1467 крестьянских волнений⁵. Из них 281 волнение (19%) происходило в период 1801—1825 гг.⁶, 712 волнений (49%) — в период

¹ В настоящей статье рассматриваются волнения только крепостных (помещичьих) крестьян. Как известно, это была многочисленная категория населения России. Помещичьи крестьяне составляли, по данным 5-й ревизии (1796 г.), 57% всего крестьянского населения, по данным 8-й ревизии (1835 г.), — 51% и по данным 10-й ревизии (1858 г.), — 46%. Несмотря на относительное уменьшение, и в конце 50-х годов эта категория всё же составляла около половины крестьянского населения страны.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 95. 4-е изд.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 5.

⁴ В приводимых в статье таблицах счёт волнений ведётся по имениям, независимо от количества охваченных волнениями селений. Счёт по селениям дал бы более крупные цифры, так как на имение в среднем приходилось не менее 2—3 селений, а в некоторых случаях до 20 и более. Но вести счёт по селениям, к сожалению, невозможно, потому что в архивных и иных источниках в громадном большинстве случаев сведения о числе волновавшихся селений отсутствуют. Центральными учреждениями и исследователями того времени счёт волнений велся по имениям. В общий подсчёт не вошли массовые волнения крестьян, вспыхивавшие одновременно во многих имениях и преследовавшие общую цель, как, например, Пугачёвское восстание, Донское движение 1820 г. и т. п.

⁵ Эта цифра, как и все цифры, приводимые в таблицах, получена в результате изучения подлинных дел, хранящихся в Ленинградском отделении Центрального государственного исторического архива (ЦГИАЛ) и отчасти дел архива III отделения. Некоторые факты почерпнуты из «Материалов для истории крепостного права в России. Извлечение из секретных отчётов министерства внутренних дел за 1836—1856 гг.» (Берлин. 1872) и из «Истории министерства внутренних дел» Н. Варадинова (т. III, кн. 1—4. СПб. 1862), составленной также на основании подлинных дел, многие из которых впоследствии были уничтожены. Некоторые данные почерпнуты из отчётов III отделения, помещённых в книге «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. I (подготовил к печати Е. А. Мороховец. Соцэкгиз. 1931), из исследований Повалишина, Мордовцева, Снежневского и др., из воспоминаний современников и т. д. В своей книге «Помещичьи крестьяне накануне освобождения» (изд. 3-е. Ленинград, стр. 331. 1925) и в статье «Борьба крестьян за своё освобождение» (в сборнике «Освобождение крестьян» (СПб. 1911, издание «Жизнь для всех», стр. 38) автор настоящей статьи указал источники, на основании которых им было выяснено количество волнений, происходивших во второй четверти XIX в., причины их и т. д. Тем не менее некоторые историки ошибочно принимают цифры автора за результаты «официальной регистрации» и «официальных обследований» (см. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, стр. 585. М. 1947).

⁶ Кроме указанных волнений, в 1818—1820 гг. массовым движением были охвачены область Войска Донского и два уезда Екатеринославской губернии. В движении участвовало более 44 тыс. крестьян.

1826—1854 гг. и 474 волнения (32%) — только за 6 лет и 2 месяца царствования Александра II (1855 — начало 1861 г.). В среднем в первую четверть XIX в. ежегодно имело место более 11 волнений, в 1826—1854 гг. — более 24 и в 1855—1861 гг. — более 79.

Из приводимой таблицы видно, как почти с каждым десятилетием усиливалось крестьянское движение.

Годы	Число волнений единичных и затяжных (первичных)	%
1801—1810	83	6
1811—1820	124	8
1821—1830	156	11
1831—1840	143	10
1841—1850	351	24
1851—1861	591	41
1801—1861	1 448 ⁷	100

Количество волнений особенно резко возросло в последние два десятилетия, предшествовавшие реформе. Выделяется десятилетие 1821—1830, что объясняется большим числом волнений в 1826 г. в связи с воцарением Николая I (на период 1821—1825 гг. падает 55 волнений и на период 1826—1830 гг. — 101 волнение).

Рассмотрим, как волнения первой четверти XIX в. распределяются по пятилетиям.

Годы	Число волнений единичных и затяжных (первичных)	%
1801—1805	45	17
1806—1810	38	15
1811—1815	36	14
1816—1820	87	33
1821—1825	55	21
1801—1825	261 ⁸	100

Как видим, в первые три пятилетия количество волнений падало, зато в 1816—1820 гг. число их по сравнению с предшествующим пятилетием увеличилось в два с лишним раза, но в 1821—1825 гг. вновь снизилось⁹.

В приведенной таблице отразились особенности истории помещичьих крестьян в России первой четверти XIX века.

В. И. Ленин указывал, что необходимым условием крепостнического барщинного хозяйства являлось, «во-первых, господство натурального хозяйства. Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром. Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима». Вторым условием являлось наделение непосредственного производителя «средствами производства

⁷ В указанный итог не вошли 19 волнений, о которых неизвестно точно, в какие годы первой четверти XIX века они происходили.

⁸ В этот итог не вошли 19 волнений, о которых сказано в сноске 7, и одно волнение, происходившее между 1813 и 1819 гг., без более точной даты.

⁹ Данные о крестьянских волнениях в первой четверти XIX в. получены на основании изучения архивного и другого материалов. Результаты исследования автора изложены им в монографии «Крестьянское движение в первой четверти XIX века», приготовленной к печати ещё в 1937 г. и использованной при подготовке к печати второго тома учебника «Истории СССР» для высших учебных заведений (изд. 1940 г., стр. 114).

вообще и землю в частности»; мало того, крестьянин должен был быть прикреплён к земле, «так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки». Третьим условием являлась личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделённого землёй и ведущего своё хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение». Наконец, «условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, принижённых личной зависимостью и умственной темнотой»¹⁰.

Помещичье хозяйство начало втягиваться в рыночные отношения ещё в XVIII веке. Этот процесс повлёк за собой разложение натурального хозяйства. Появились первые трещины в феодально-крепостнической системе. В XIX в. по мере роста связей помещичьего хозяйства с рынком разложение феодально-крепостнической формации быстро прогрессировало.

Вовлечение помещичьих хозяйств в рыночные отношения вызывало стремление помещиков повысить доходность имений либо с помощью расширения господских запасок и производства сельскохозяйственных продуктов на рынок, либо путём заведения фабрик и заводов, работающих на крепостном труде, либо, наконец, посредством повышения оброков и введения смешанных повинностей. Всё это так или иначе вело к уменьшению доли «необходимого продукта», оставляемого помещиками крестьянам, к усилению крепостнической эксплуатации.

Расширение господских запасок происходило за счёт крестьянских земель. При этом помещики захватывали себе лучшие крестьянские земли. С другой стороны, владельцы имений уже неотходно выделяли землю на новые тягла и предпочитали поощрять переделы крестьянских земель, что с ростом населения приводило к уменьшению крестьянских наделов. Уменьшение наделов, рост барщины вызывали дальнейшее разорение крестьянских хозяйств, снижение качества и количества живого и мёртвого инвентаря, необходимого для правильного ведения помещичьего хозяйства. Так, развитие помещичьего хозяйства, втягивавшегося в торгово-рыночные отношения, приводило к противоречиям, к разрушению крепостнического строя.

Внеэкономическое принуждение при ухудшавшемся положении крестьян и расширении помещичьих хозяйств неизбежно усиливалось. Это вызывало противодействие со стороны крестьян. Уже в XVIII в. разразился мощный взрыв народного протеста против крепостного права — восстание под руководством Пугачёва.

В XVIII в. ещё продолжался процесс закрепощения крестьян. Приказами Екатерины II и Павла I свободно раздавали казённых, дворцовых, удельных крестьян. При Павле I указом 12 декабря 1796 г. были закреплены крестьяне земли Войска Донского на о. Тамани, в губерниях Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Таврической. В первые годы царствования Александра I вспыхнул ряд волнений новозакреплённых крестьян, изыскивавших способы освобождения от помещичьего гнёта и крепостной зависимости. Волновались крестьяне, пожалованные Павлом I, в Новгородской, Тверской, Петербургской, Ярославской и Тамбовской губерниях.

Волнения крестьян в 1802—1803 гг. в имениях Боровичского, Крестецкого, Тихвинского и Белозерского уездов, Новгородской губернии, обратили на себя особое внимание министра внутренних дел Кочубея.

Он писал о волнениях в Крестецком и Боровичском уездах: «Неповиновение крестецких крестьян открылось в декабре прошедшего года. Вслед

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 158—159.

за тем возмутились крестьяне ещё в трёх вотчинах Боровичского уезда, принадлежавших гр. де-Бальмен, г-м Сиверсу и гр. Апраксину. Потом в том же уезде отказались от повиновения крестьяне помещиков Набокова и Мякина. Происшествия сии, одно за другим в трёх уездах открывшиеся, заставили принять строгие меры. Послан был на место сам губернатор, чтобы объяснить крестьянам точный его величества указ о бытии им в повиновении, — они его не послушали — введена была во все селения военная команда и при сем стоило ещё труда привести их в повиновение — наконец они усмирены — зачинщиков велено предать строгому суду.

Из числа сих подсудимых крестецкие — разбили острог, бежали, послан был к сыску их исправник с пнятыми; они укрепились в ближней деревне, вооружились ружьями и рогатинами и его не допустили; отправлена была воинская команда и советник правления, зачинщики разбежались и теперь ещё сыскиваются, прочие оказались покорными; чиновники за слабость смотрения преданы суду».

Поэтому Кочубей возражал против посылки в эти края министром юстиции специального чиновника для расследования правильности перечисления крестьян из казённого ведомства в собственность помещиков: «В середине сих неурядиц, тогда как всё внимание правительства должно быть обращено к сыску и строгому наказанию виновных и к прекращению тем вредного примера в такой губернии, где по всем опытам, и по прошедшим и настоящим, крестьяне особливую имеют склонность к дерзости и неповиновению и где возмущение одного селения вскоре сообщается другим, послать сюда нарочного чиновника и завести новое следствие... мера сия представляет, по мнению моему, ряд неудобств».

Подчёркивая, что «дело идёт о преступниках, разломавших городскую тюрьму, вооружившихся против земского начальства, разбежавшихся при виде воинской команды и кроющихся от суда и наказания», Кочубей указывал, что «тут не ослаблять губернского начальства посторонними следствиями, но усиливать его строгими подтверждениями нужно». «Прежде должно привести непокорных в порядок, а потом уже, спустя некоторое время, когда всё успокоится, приняться за рассмотрение прав их», которые к тому же Кочубей называл «ничтожными»¹¹.

Упорно не желая признавать себя закрепощёнными крестьяне Итовской вотчины, Ямбургского уезда, Петербургской губернии. В вотчине насчитывалось 21 селение с 3 тысячами крестьян. Ранее волость входила в состав Ингерманландии и её земледельческое население пользовалось правами финляндских крестьян. Павел I подарил крестьян кн. Куракину. Последний вдвое увеличил денежные платежи крестьян, но, повидимому, не вмешивался в их внутреннюю жизнь, не нарушал давних прав и обычаев. Вскоре, однако, около 1801 г., Куракин продал Итовскую вотчину барону Унгерн-Штернбергу.

Новый владелец завёл собственную запашку, занялся обстройкой мызы, наложил на крестьян многообразные повинности, разделив их на барщинных и оброчных. Он увеличил денежные и натуральные платежи и стремился также нажиться на крестьянских лесных промыслах и постройке «водоходных судов». Помещик потребовал, чтобы каждые 30 душ из оброчных крестьян построили и оснастили для него по одному «водоходному судну». Помимо этого он присвоил 20 готовых крестьянских судов. Крестьяне жаловались, что на построенных судах помещик «посылает... в разные места по 180 человек крестьян» — «на коште мирском», — отрывая их от полевых работ.

В доходную статью обратил Унгерн-Штернберг и рубку дров, обязав каждое тягло поставлять по 24 кв. сажени. Он потребовал также поставки

¹¹ ЦГИАЛ, Министерство внутренних дел. Департамент полиции исполнительной. 1802 г., д. № 57; Министерство юстиции, 1802 г., д. № 140. См. также отчёт министра внутренних дел за 1802 г. в «Сборнике исторических материалов, извлечённых из архива с. е. и. в. канцелярии», вып. 12, стр. 219.

120 бочек смолы. При постройке мызы была снесена целая деревня. Жители её были размещены по другим деревням и наделены землёй за счёт других крестьян.

Увеличение повинностей и платежей, стеснения в занятиях промыслами и т. д. разоряли крестьян. Приблизительно с 1801 г. начались побегии. Тогда же крестьяне подали прошения в разные инстанции, в том числе царю. Жалуясь на разорение, они выражали в прошениях уверенность в том, что царь оставит за ними права финляндских крестьян. По первому всеподданнейшему прошению было произведено расследование, и жалобы крестьян на помещика были признаны неосновательными.

По 1803 г. продолжались волнения итовских крестьян. Они отказывались повиноваться помещику, бросали господские работы. Помещик жаловался, что крестьяне разбили 12 барок стоимостью свыше тысячи рублей каждая.

В 1802 г. в имение Унгерн-Штернберга была введена воинская команда, постепенно, ввиду продолжавшегося сопротивления крестьян, увеличенная до 4 рот. Необходимость кормить и содержать солдат ещё более разоряла крестьян.

Однако ни эта мера, ни наезды в Итовскую вотчину властей, вплоть до губернатора, не давали ощутимых результатов. Значительная часть крестьян стала скрываться по соседним селениям и лесам. В один из наездов исправника между крестьянами и солдатами произошла стычка. Солдаты открыли стрельбу по крестьянам, били их прикладами, вязали. Наиболее активные «бунтовщики» были преданы суду. По приговору суда 11 человек были наказаны кнутом, 23 — плетью и 4 — палками. Расправа была столь жестокой, что некоторые из наказанных «полумёртво до 6 недель болели». Но и после этого значительная часть крестьян продолжала скрываться в лесах. Только холода, отсутствие пищи и болезни заставили беглецов вернуться домой. Вследствие перенесённых лишений из числа этих крестьян в течение января — июля 1803 г. умерло 202 человека.

Такая убыль населения обеспокоила помещика и местные власти. Унгерн-Штернберг согласился на некоторые уступки. Но крестьяне не приняли их. Они упорно продолжали добиваться возвращения отнятых у них прав.

Летом 1803 г. у крестьян возник план всей вотчиной идти к царю просить признать их вольными. Губернатор сообщил об этом министру внутренних дел Кочубею и лично побывал в Итове. Но его усилия примирить крестьян с помещиком были безрезультатны. Губернатор и Унгерн-Штернберг сочли единственным средством «замирить вотчину» — это выслать из имения всех непокорных, выдав за них вознаграждение помещику. 21 августа 1803 г. состоялось «высочайшее повеление» объявить крестьянам, что неповинующиеся будут переселены в Сибирь. Однако крестьяне усомнились в возможности такого царского повеления. Напротив, у них всё более крепла мысль идти к царю. 20 сентября губернатор получил сообщение от ямбургского уездного предводителя дворянства, что 8 деревень находятся в крайнем возбуждении. Крестьяне рассылали по деревням «возмутительные приказы» и «по мирскому приговору» твёрдо решили идти к царю просить «о приёме их в казённое ведомство». Предводитель сообщал, что крестьяне двигаются по лесам к Ораниенбаумскому уезду, а потом пойдут в Петербург, чтобы на вахтпараде подать просьбу царю. Земская полиция, указывал предводитель, не могла перенять крестьян в лесах: воинской команды не было, — и он советовал задержать крестьян перед входом в столицу.

Губернатор в тот же день сообщил это известие Кочубею, и последний немедленно сделал представление царю. Александр разразился именным указом от 3 октября, где «в страх другим и в наказание ослушников» повелевал отобрать несколько семей из более упорных и сослать их

в Сибирь на поселение, причём во избежание побега везти крестьян под военным караулом. В Сибирь было сослано 26 семей (150 крестьян обоего пола). Так расправился царь с крестьянами.

Зато к интересам помещика он отнёсся очень внимательно. По именному указу от 1 декабря 1803 г. за каждую «сосланную душу» помещику было выдано по 100 рублей, он был освобождён от платежа государственных податей и «всякого рода повинностей» за всех сосланных крестьян¹².

В первое десятилетие XIX в. имел место и ряд других выступлений крестьян против помещиков, выразившихся в невыходе на барщину, прекращении платежей оброка, «буйствах», действиях против чиновников и воинских усмирительных команд.

Количество крестьянских волнений резко повысилось после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. В результате этих войн, особенно Отечественной войны, помещичье и государственное хозяйство потерпело большой урон. Многие помещики разорились и вынуждены были осесть в имениях и усиленно заняться хозяйством. В нечернозёмных губерниях помещики повышали оброки или открывали фабрики и заводы, основанные на крепостном труде. В чернозёмных южных, а также в западных губерниях помещики всё сильнее втягивались в торговлю с западными странами, которые испытывали нужду в хлебе и других сельскохозяйственных продуктах.

Сбыт хлеба на рынок намечался и в восточных поволжских и заволжских губерниях. Отсюда на внешний рынок хлеб шёл через южные порты. Развивался и внутренний рынок. Потребительными являлись центральные нечернозёмные губернии, где развивалась промышленность и росло городское население.

В наиболее благоприятных условиях для снабжения внутреннего рынка оказались центральные чернозёмные губернии. Даровой труд крепостных на поле, подводная повинность крестьян, позволявшая бесплатно доставлять сельскохозяйственные продукты на сравнительно близкий рынок, давали помещикам этих губерний возможность выбрасывать сельскохозяйственные продукты на продажу, приспособившись к низким хлебным ценам.

Стараясь повысить доходность своих имений, помещики усиливали эксплуатацию крестьян. Единственным средством для этого было внеэкономическое принуждение. Но после Отечественной войны настроения крестьян резко изменились. Служившие во время войны ратниками ополчения крестьяне, прогнавшие иноземцев с родной земли и победоносно прошедшие по чужим странам, по возвращении на родину не желали долее терпеть крепостной гнёт и ждали от царя воли.

Многие крепостные героически сражались против иноземцев в рядах партизан и привыкли смотреть на себя как на граждан, защитников отечества. Нередко во время войны в губерниях, по которым проходили неприятельские полчища, крестьяне, пользуясь ослаблением или уходом местных властей, расправлялись с помещиками, захватывали имения, «грабили» господские дома, вырубали леса и т. д. Они привыкли в ряде случаев обходиться без бар. Повысилось их самосознание, росло чувство собственного достоинства. Несомненно, эти настроения бывших ратников широко распространились в гуще крепостной массы. Пошли упорные слухи, что царь даст или даже дал свободу, но помещики и чиновники скрывают её от народа. Появилась уверенность, что при попытках добиться освобождения от крепостной зависимости царь будет оказывать крестьянам содействие.

Привлекают внимание факты вооружённого сопротивления крестьян во время волнений после 1812 года. В распоряжении крестьян иногда ока-

¹² ЦГИАЛ, Министерство внутренних дел. Департамент полиции исполнительной. 1803 г., д. № 115; см. также Министерство юстиции, 1802 г., д. № 216.

зывались не только ружья, но и пушки, подобранные ими после Отечественной войны 1812 года.

Говоря о процессе постепенного распада феодально-крепостнической формации, следует учитывать, что уже в XVIII в. в торгово-промышленные отношения вовлекались не только помещики, но и крестьяне. В XIX в. эти явления обозначились ещё резче. Крестьяне не были однородной в хозяйственном отношении массой. В нечернозёмных губерниях они всё сильнее вовлекались в торговлю и промышленность; развивались отхожие промыслы. Помещики, заинтересованные в повышении оброков и безнедоимочной уплате их, способствовали отходу и неземледельческим занятиям крестьян. Одним из результатов Отечественной войны 1812 г., во время которой в Московской губернии было разрушено много фабрик и заводов, было распыление промышленности, развитие кустарных промыслов. С разрушенных мануфактур рабочие расходились по деревням и здесь занимались на дому кустарным производством. Для ситценабивной и хлопчатобумажной мелкой промышленности 1815—1820 годы были годами расцвета.

Связь с промышленностью и торговлей усиливала расслоение крестьянства на богатую верхушку, середняков и бедняков. Среди богачей встречались крупные капиталисты. Богачи, кулаки подчиняли бедняков и эксплуатировали их.

Расслоение крестьян наблюдалось и среди населения, занятого только земледелием, например, на юге, в Поволжье, где было много земли и кулаки могли захватывать её, обрабатывая иногда силами тех же бедняков, искавших добавочного заработка, или вольным наёмным трудом. Можно указать факты покупки богатыми крестьянами земли на имя помещика, пользования богачей наделами бедняков и т. д.

Помещики использовали в своих выгодах это расслоение крестьянства. Они усиленно облагали оброками и другими платежами кулачество и нарождавшихся капиталистов-крестьян. Они содействовали укреплению круговой поруки в целях использования средств кулачества для погашения оброчных недоимок среднего и бедного крестьянства. Расслоение крестьян ещё более разрушало крепостническую формацию, усиливая борьбу крестьян против крепостного права. Деревенским богачам крепостное право, кроме всего, мешало развивать свободное предпринимательство, и они готовы были затрачивать крупные суммы на ведение исков о воле.

Так, в недрах крепостнического хозяйства накапливались противоречия, результатом которых явилось резкое обострение классовой борьбы между крестьянами и помещиками. Поэтому мы видим, что в пятилетие 1816—1820 гг. количество волновавшихся имений резко возросло. В то время как в 1811—1815 гг. происходило 36 волнений, в 1816—1820 гг. их было 87. На это пятилетие падает треть всех известных за 1801—1825 гг. волнений.

Важно, что не только увеличилось количество волнений, но и изменился их характер. Крестьяне чаще совершали «самоуправства», захватывали в свои руки вотчинное управление, распоряжались господским имуществом и т. д. Чаще, чем раньше, оказывали они неповиновение и открытое сопротивление властям, изгоняли их из имений, организовывали противодействие военным командам, вступая подчас в вооружённую борьбу. Они настойчиво закидывали прошениями своего мнимого «защитника», царя, и высшие правительственные инстанции и, не веря отказам на прошения, снова и снова подавали их. Настойчивость, с которой крестьяне возобновляли подачу прошений царю, показывает их недоверие к властям и отрицательное отношение к государственному строю при сохранении традиционных монархических иллюзий.

Крестьянские волнения сильно били по помещицкому хозяйству, хотя по отношению ко всей массе помещицких имений количество охваченных

волнениями было сравнительно незначительно. Для нормального ведения крепостнического хозяйства необходимо было полное и безусловное повиновение крестьян. Только тогда помещик мог реализовать свои хозяйственные расчёты, увязать их с требованиями рынка и т. п. Даже незначительные проявления крестьянского недовольства грозили убытком помещицкому хозяйству. Помещики всегда должны были быть готовы к взрыву неповиновения.

Не только открытое сопротивление — «буйство», «самоуправство» и т. д., — но и частичное неподчинение — «ослушания», даже «ленивая барщина» — сказывались на помещицких хозяйствах. Помещики разорялись, и если волнения были упорными, они стремились продать имение, отдать его в казну или даже сослать крестьян в Сибирь, оставив себе только землю. Нужно заметить, что имения, поражённые «червем» волнения, падали в цене, и трудно было подыскать охотников купить их.

Страшны для помещиков были не только волнения, но и угрозы их возникновения под влиянием выступлений соседних крестьян. В письмах помещиков на имя представителей администрации, в донесениях губернаторов и других чиновников постоянно встречаются указания на опасность соседних волнений. Помещикам и чиновникам постоянно мерещился призрак «пугачёвщины», призрак массового восстания крестьян. Не удивительно поэтому, что в послевоенные годы и правительство и часть дворянства начали задумываться над вопросом, не лучше ли ликвидировать крепостное право. В это время и революционно настроенное дворянство, будущие декабристы, в своих программах резко ставило вопрос о необходимости уничтожения крепостного права. Именно в третьем пятилетии XIX в. характерно появление ряда записок об отмене крепостной зависимости. Сам Александр I начал давать поручения о составлении таких записок. Слухи об этих проектах распространялись в дворянском обществе и проникали в толщу крепостной массы. Это ещё более возбуждало борющееся крестьянство, поддерживая его надежды на царя.

Следует особо отметить, что в эти годы всё чаще встречались имения, волновавшиеся из года в год.

Чтобы представить себе силу и размах движения, следует обратить внимание на распределение волнений по годам. В первые два десятилетия XIX в. затяжных (продолжающихся) волнений было от одного до шести. Уже в 1815 г. мы видим 8 затяжных (продолжающихся) волнений. В пятилетие 1816—1820 число их значительно возрастает.

Г о д	Волнения затяжные (первичные и единичные)	Волнения затяжные (продолжающиеся)	Всего
1816	22	3	25
1817	17	17	34
1818	25	19	44
1819	17	19	36
1820	6	20	26

Как видно из таблицы, в 1817 г. затяжных (продолжающихся) волнений было столько же, сколько единичных и затяжных (первичных). В 1818 г. затяжных (продолжающихся) было более половины единичных и затяжных (первичных) волнений этого года, а в 1820 г. в 3 раза больше, чем затяжных (первичных) и единичных. Понятно, что в эти годы крестьянское движение было наиболее сильным, так как именно затяжные (продолжающиеся) волнения представляли собой крупные взрывы крестьянского движения. Следует подчеркнуть, что из 150 известных случаев вво-

дов воинских команд в волнующиеся имения на пятилетие 1816—1820 падает 66 вводов, или 44%¹³.

Ярким примером крестьянских выступлений этих лет являются волнения крестьян 1817—1822 гг. в имениях Кашталинского и помещицы Грибоедовой.

В имении М. Ф. Кашталинского, находившемся в Порховском уезде, Псковской губернии, в 10-х годах XIX в., по седьмой ревизии, числилось 550 крестьян мужского пола. Имение было многоземельным. В нём имелось 5686 десятин удобной и неудобной земли. Одной крестьянской пашни было не менее 4300 десятин, в среднем около 8 десятин на душу мужского пола. Крестьяне состояли на оброке и должны были платить со своей земли около 11 тыс. рублей, что не было для них обременительно. Основным занятием крестьян было, повидимому, льноводство. «Редкий крестьянин, — писал губернатор, побывав в вотчине в мае 1820 г., — не производит торг льном». Крестьяне в основном были состоятельны. Хотя в 1820 г. вотчина была несколько разорена вследствие волнения, губернатор вынес впечатление, что она всё же «наилучшая из всей губернии». Осмотрев крестьянские хозяйства, губернатор нашёл их «в самом лучшем положении; все крестьяне имеют избыточное количество скота; беднейшие из них имеют две лошади, 4—5 коров, несколько мелкого скота и кроме обыкновенного носячего платья большая часть имеет хорошие сукна праздничные кафтаны, жёны их — шёлковые ферязи и другие уборы; постройка домов и других строений самая хорошая». Крестьяне пользовались относительной самостоятельностью, имели самоуправление, так как помещик в имении не жил и довольствовался получением оброка.

В 1817 г. М. Ф. Кашталинский умер. Вотчина перешла к его племяннику, Ф. С. Кашталинскому, обязавшемуся уплатить более 300 тыс. рублей дядиных долгов. Эти деньги помещик предполагал получить с крестьян. С этой целью он повысил оброк до 25 тыс. рублей и потребовал уплаты его за два года сразу. В противном случае помещик грозил продать часть имения за долги, отдать крестьянских сыновей в рекруты, а девушек — в замужество в другие вотчины, завести господскую запашку, т. е. перевести крестьян на барщину.

Сверх денежного оброка помещик установил сбор ржаной муки, овса, льна, а также домашней птицы. За каждую девушку, уклонявшуюся от замужества, крестьяне должны были платить теперь вместо десяти — тридцать рублей. Сверх того Кашталинский предложил крестьянам дать ему денег займы, «кто сколько может». Взимание денег помещик поручил бурмистру Иванову.

В том же, 1817 г. бурмистр вместе с управителем Григорьевым присутствовал к взиманию с крестьян денег. Только части крестьян оказалось под силу уплатить сразу за два года столь высокий оброк; 86 домохозяев должны были для этого продать хлеб и скот. Часть из них уплатила оброк под угрозой розог, часть оказалась в недоимщиках, несмотря на телесные наказания.

Наряду с этим бурмистр и управитель энергично наступали на наиболее богатых крестьян, требуя для помещика денег займы сверх оброка. Богатеи раскошеливались туго. Крестьянин Г. Яковлев дал добровольно 300 рублей, но бурмистр заставил его дать тысячу. Крестьянин Лукин дал 500 рублей, но бурмистр потребовал от него 3 тыс. рублей. При этом он издевался над крестьянином, тряс его за бороду и грозил, что «приготовленными... прутьями шкуру спорет».

Этими денежными поборами Кашталинский нанёс тяжёлый урон крестьянским хозяйствам; благосостояние части населения вотчины по-

¹³ Остальные вводы воинских команд распределялись по пятилетиям следующим образом: в 1801—1805 гг. — 26 вводов, в 1806—1810 гг. — 12, в 1811—1815 гг. — 11 и в 1821—1825 гг. — 35.

шатнулось. Наиболее бедные крестьяне оказались в таком положении, что летом 1818 г. пришлось дать им пособие на продовольствие из сельского запасного магазина. Естественно, что среди крестьян затаилось недовольство против помещика, бурмистра и управителя.

Более всего озлобилась неимущая часть вотчинного населения. К ней как раз и принадлежал первый жалобщик, Андрей Иванов, безденежный, повидимому, недоимщик, «один из среды всех наихудшего поведения», как характеризовал его Кашталинский, «бродяга», как писал о нём барину в письме бурмистр. А. Иванов, по словам его односельчан, не раз был сечён за неплатёж оброка. Он первый не стерпел преследований и вымогательства бурмистра и, оставив в деревне столетнюю мать, жену и трёх малолетних ребят, с двумя сыновьями-мальчишками тайком пробрался в Москву и в ноябре 1817 г. подал лично Александру I жалобу на помещика.

Большой лицемер, Александр I любил при личных встречах с подданными надевать на себя маску благожелательности. По отношению к крестьянам он не раз обнаруживал кажущуюся готовность удовлетворить их просьбы, возбуждая среди них надежды, а затем подвергая их жестоким репрессиям.

Прошение Иванова было милостиво принято царём, и он передал его гр. Аракчееву для внесения в комитет министров. В то же время от ст.-секретаря Марченко последовало отношение к псковскому губернатору, которым предписывалось объявить А. Иванову, чтобы он спокойно ожидал решения по своей просьбе и не тревожил государя её повторением. По словам чиновника Тудоровского, командированного в 1820 г. в имение для выяснения причин волнения, отношение Марченко к псковскому губернатору было понято крестьянами как «государев указ, чтобы все крестьяне были в своих домах спокойны, и никому до них дела нет, пока не пришлётся решение на поданную жалобу».

Последовавшая затем отдача, согласно решению комитета министров, имения в опеку ещё более укрепила крестьян в таком понимании «государева указа». Они стали толковать, что «государю угодно взять их от помещика в казну, либо сделать их вольными». Вопрос при переводе крестьян в опекуное управление, какую систему повинностей — барщинную или оброчную — они предпочитают и какой размер оброка считают необременительным, был понят крестьянами как новое подтверждение особого покровительства царя. Тогда, по словам Тудоровского, «они в полной мере открыли своё неповиновение, говоря, что мы не желаем теперь подписываться за помещика, ибо мы теперь под опекою государевою и, может быть, будем вольными». Внимание, которое было уделено крестьянам в связи с подачей А. Ивановым прошения, вселило в них надежды, что царь освободит их из-под власти помещика и возьмёт в казённое ведомство. Поэтому крестьяне заявили, что они теперь вольные и «ни оброку давать, ни господской экономии обрабатывать не хотят, разве суд что им прикажет». Опекою оброк был установлен в 15 тыс. руб., против чего крестьяне открыто не возражали.

Почувствовав себя свободными, крестьяне прежде всего решили расправиться с бурмистром и теми крестьянами, которые попрежнему признавали себя крепостными Кашталинского. Группа таких покорных, или, как их потом называли, «барских», крестьян вначале доходила до 70 человек, но постепенно уменьшилась до 30. Эти крестьяне неоднократно обращались к Кашталинскому с письмами, заверяя в своей покорности, называли «вольных», т. е. неповиновавшихся, крестьян «смутьянами», «бунтовщиками». Они настаивали на том, чтобы против непокорных были приняты меры и сообщали о действиях «смутьянов». «Вольные» требовали «учёта» бурмистра в целях его смещения. Они надеялись и на то, что при рекрутском наборе 1818 г. сумеют настоять на сдаче в солдаты крестьян из числа «барских». Но на рекрутский набор рассчитывали и

опекун с бурмистром, чтобы избавиться от «неспокойных». По этому поводу и разгорелась борьба в 1818 году.

Когда в 20-х числах ноября производился рекрутский набор, «вольные» отказались сдать в солдаты крестьян, назначенных опекуном, и потребовали сдачи в рекруты крестьян из числа «барских». Опекун заявил в земский суд о новом неповиновении в имении. Приехал земский исправник. Крестьяне, старики и молодёжь, скрылись в прилегающих к имению густых лесах. Унтер-офицера и понятых, высланных для поимки одного из назначенных в рекруты, они чуть не изрубили топорами. В конце концов «вольные» добились своего: в рекруты сдали тех, кого они назначили. «Учёта» бурмистра они также добились, но отчёт его был признан властями удовлетворительным.

С конца 1818 г. по примеру А. Иванова крестьяне начали обращаться с прошениями лично к царю. Они ждали от него окончательного решения дела, начало которого видели в наложении опеки.

Подача прошений царю облегчалась тем, что селения кашталинских крестьян были расположены недалеко от дороги, по которой обычно проезжал Александр, следуя на запад, в Варшаву, или на юг. Станции Боровичи и Залази, на которых останавливался Александр, и стали местами, где крестьяне подстерегали царя и подавали ему прошения. В декабре 1818 г., при проезде Александра через Псковскую губернию, крестьяне подали ему просьбу.

После этого они заявили уездному предводителю дворянства, что не будут платить оброка впредь до решения царя по их прошению. Крестьяне требовали смены бурмистра. Их вожак и ходок К. Галактионов грозил, что в противном случае крестьяне свяжут бурмистра и набьют ему колодки. Озлобление против бурмистра и управителя было столь велико, что даже чиновники начали настаивать на смене бурмистра и высылке управителя. Разрасталось возбуждение «вольных» крестьян против «барских», и число последних таяло. «Барские» крестьяне жаловались Кашталинскому, что «вольные» «теснили» их, грозя разорить и сдать из их числа в солдаты вне очереди. «Бунтовство, — писали они, — день ото дня усиливается. Вольные как хотят, так сами собою и управляются», идут беспрестанные сходы, собираются деньги на ведение дела. Руководит всем «возмутитель» Галактионов.

В конце 1819 г. вновь возникли волнения из-за рекрутского набора. К тому времени старый бурмистр был смещён и на его место избран новый, Терентьев, утверждённый опекуном. Но наряду с Терентьевым крестьяне считали своим бурмистром и Галактионова.

Положение в вотчине к марту 1820 г. было признано настолько серьёзным, что туда ввели воинскую команду. Солдат разместили по дворам крестьян, отказавшихся платить оброк. Но, несмотря на постой 570 солдат, почти все крестьяне отказались от его уплаты. Мало того, они начали вырубку помещичьего леса. В короткое время было свалено до 4 тыс. деревьев. Бурмистр перешёл на сторону непокорных; назначили другого, но нового бурмистра никто не слушал. Из-за сопротивления крестьян, жаловался уездный предводитель, «ни один дворянин не желал принять на себя обязанности опекуна». В мае вотчину посетил губернатор. Он убедился в неповиновении большей части крестьян. Губернатор предложил всех главных «зачинщиков» отдать «на срочное время в работу». С этим согласился помещик. Он предоставлял правительству право переселить неповиновавшихся крестьян, «куда оно заблагорассудит».

Как ни состоятельны были кашталинские крестьяне, всё же содержание около двух батальонов солдат было им не под силу. В ряде всеподданнейших прошений, а затем в прошениях на имя петербургского военного генерал-губернатора Милорадовича они жаловались на тяжесть воинского постоя и просили освободить от него. Одно из таких прошений было подано Александру 23 мая 1820 года. Последовавший в начале июня

увод воинской команды в лагеря был понят крестьянами как ответ царя на их прошение и ещё более укрепил их веру, что царь на их стороне. После ухода солдат они начали лихорадочно прятать своё имущество на случай повторного появления военной команды. Крестьяне распродавали хлеб, раздавали его даже даром, прятали лучшее платье по соседним селениям, они игнорировали приказ опекуна не отлучаться из селений. Опекун жаловался, что крестьяне не слушаются ни его, ни бурмистра. В вотчине собирались беспрестанные сходы. Возглавлял их Галактионов. Когда исправник арестовал 15 человек и отправил их в Порхов, то крестьяне, по одному человеку от двора, явились в город и потребовали, чтобы их также посадили в острог вместе с прочими. Так простояли они целый день. Перепуганный исправник усмотрел в этом «бунт» и просил прислать в имение хотя бы один батальон солдат для «острастки».

Между тем продолжалась подача всеподданнейших прошений. 9 июня была подана жалоба царю в Царском Селе. 9 июля было подано прошение царю на станции Залазы; как видно из более позднего прошения, крестьяне собрались тогда на станции «почти всей вотчины мужского пола и женского». «По прочтении же нашей просьбы, сказал государь, что вы будьте спокойны и что вас обижать никто не будет и будет к вам член из Петербурга». «И действительно, приехал через 10 дней который ревизор был у губернатора, а потом и у нас в вотчине, и тоже принуждал нас к подписке, а себя не объявлял, кто он таков, и так уехал из нашей вотчины без всякого производства». Этим неизвестным был чиновник Тудоровский. Из высказываний крестьян видно, что они сомневались, точно ли это был следователь, обещанный царём. Об этом недоверии писал и сам Тудоровский в донесении министру внутренних дел.

Тудоровский явился в вотчину для расследования уже в августе, после столкновения крестьян с заседателем земского суда Саламатиным. Последнему с помощью управителя 30 июля удалось захватить К. Галактионова. Но крестьяне освободили своего вожака и при этом до полу-смерти избили «подсказателя» — управителя. После этого в вотчину была введена воинская команда. Суровые меры, принятые властями против крестьян, они объяснили тем, что их мнимый заступник — царь — уехал за границу.

Терпение крестьян стало истощаться. Продолжительный постой солдат, запрещение отлучек из имения даже на собственные работы без разрешения на то офицеров привели к тому, что крестьяне стали разбегаться. Целые семьи в зиму 1820—1821 г. перебрались в леса — «под крышу неба», как образно говорилось в крестьянском прошении, — и предпочитали мёрзнуть и голодать, чем находиться под надзором солдат, разорвавших их. Часть крестьян разошлась по другим селениям. Теперь, когда царя не было в России, они направляли жалобы Милорадовичу. Ему было подано два прошения: 4 ноября 1820 г. и 3 января 1821 года.

В январе 1821 г. губернатор снова побывал в вотчине. Сопровождаемый чиновниками и священником он целый день бился в бесплодных попытках убедить крестьян в необходимости повиноваться. Ему удалось склонить к повиновению только 12 человек. Тогда он прибегнул к розгам. На расправу крестьян приводили по одиночке. Им «вязали руки и ноги и били в лежачку розгами и палками», губернатор «топтал своими ногами и многие прочие истязания несносные, что многих замертво выносили из «квартиры». Но и такими средствами не было достигнуто повиновения. Повинилось не более чем две трети населения. Остальные крестьяне продолжали укрываться в лесах и окрестных селениях. На другой день после наказания ещё 44 крестьянина скрылись, и в деревнях остались только женщины и дети.

В это время до крестьян дошло известие, что их вожак Галактионов арестован в Петербурге. Пересланный в Псков, Галактионов держался бодро и, сносаясь из тюрьмы с одновотчинниками, продолжал поддержи-

вать в них веру в успешный исход дела. Настроение крестьян было воинственным. Когда земский суд потребовал к себе явившихся из бегов, они, «выступая из домов своих с кольями и с топорами», объявили, что убьют всякого, кто попытается взять их силою; одному из понятых при этом они проломали голову. Только при условии предъявления бумаги от самого царя соглашались они отдаться в руки земской полиции.

Ввиду такого сопротивления крестьян дело Галактионова решено было изъять из общего судебного дела о кашталинских крепостных и быстрой расправой с крестьянским вожаком воздействовать на «бунтарей». К маю приговор над Галактионовым был утверждён губернатором и приведён в исполнение в вотчине при собрании всех крестьян. Галактионов был наказан 60 ударами кнутом. После этого он подлежал ссылке в Черчинск на каторжные работы. По словам крестьян, тогда же в вотчину привели 40 крестьян из тюрьмы, «скованных руки, ноги и стали наказывать насильно подписаться за помещика». После этой расправы крестьяне согласились повиноваться. Их сочли усмирёнными, положением комитета министров от 15 ноября опека была снята и вотчина предоставлена в распоряжение Кашталинского.

Всё же брожение в вотчине продолжалось. Крестьяне подстерегали с очередными прошениями Александра. Во время «царского вояжа», 10 июня 1821 г., им удалось подать новое прошение. Они жаловались на разорение от постоя солдат, свирепую расправу с ходоком и сорока их одновотчинниками и сообщали, что помещик начал хозяйничать в имении, заставлял платить оброк за два года, «кому нечем платить, брал лошадыми, а другие остатних коров продавали». Содержание воинской команды за счёт крестьян в течение почти полутора лет привело к тому, что «племенного скота совсем мало оставлено, а другого прочего мелкого скота и завода не осталось». Часть крестьян продолжала скрываться в лесах и в дальних селениях.

В прошении, поданном в конце марта 1822 г. Милорадовичу, описывалось отчаянное положение этих бесприютных крестьян. Им постоянно приходилось бояться выдачи и преследования, бояться даже тех, кто давал им приют. «Многие крестьяне, — писалось в прошении, — жили в лесу под крышею неба две зимы, то и по сие время некоторые живут и терпят от воздуха зимнего стеснение, смешанное с горем и страхом, в нищенской одежде, в том числе больные, малолетние и престарелые бедствуют».

Тяжёлым было положение и крестьян, остававшихся в вотчине. Губернатор запретил выдавать им виды на жительство. Это лишало их возможности заниматься работами на стороне, без чего крестьянам уже было трудно прокормиться. Запрещение выдачи видов на жительство крестьяне рассматривали как способ помешать им подавать жалобы царю. Всё же в мае 1822 г. они выследили, когда Александр проезжал мимо вотчины, и подали ему прошение. Они жаловались, что исправник учинил разгром некоторых крестьянских домов, отнял ключи от амбаров, где хранился хлеб скрывавшихся крестьян, а про последних писали, что они «ныне скитаются, яко звери в лесу и отлучены от своих домов и детей».

Летом 1822 г. в вотчине вновь вспыхнуло волнение. Через старообрядца Зорина, ранее оказывавшего различные услуги Галактионову, а теперь заменившему его ходоку М. Степанову, последний получил подложную копию с якобы царского указа о признании вольными кашталинских крестьян. С этой копией Степанов 23 июля явился из лесу с остальными беглецами в вотчинную контору и объявил всем радостную весть. Крестьяне были крайне возбуждены. Они «кричали, что у них нет господина», «угрожали бить и сковать бурмистра, выбросили из конторы сундук с разными вотчинными бумагами», «приказав тому бурмистру, чтобы он устроил контору, где хочет, а им оная не нужна». Вооружившись ду-

бинами и бердниками, они не позволили арестовать Степанова; когда к ним явился член земского суда с понятыми из окрестных деревень, они предупредили, что «всех их перебьют».

В вотчину немедленно были направлены воинская команда и уездный предводитель дворянства с членами земского суда. Предводитель прибыл на место 1 июля. Он констатировал непримиримое отношение крестьян ко всем властям, за исключением царя. Собранные на сход крестьяне заявили, что «никакой власти повиноваться не согласны, не чувствуют никакой силы объявляемых им высочайших указов и не почитают за истину, доколе поверенные их не сходят к государю-императору с прошением о их деле, и что им от его императорского величества повелено делать обо всём доносы». После такого заявления, «при буйном обхождении с предводителем дворянства», крестьяне, «не выслушав окончания речи его, пошли, махнув руками, прочь с азартностью».

Об этих событиях министр внутренних дел сообщил Александру особой запиской. Он счёл необходимым полностью привести заявление крестьян о несогласии повиноваться властям и о повелении Александра делать ему доносы обо всём. Повидимому, последнее задело Александра, ибо в подлинной записке против этих слов стоит отметка нотабене, подчеркнутая два раза. «Его императорское величество, — гласит надпись на записке, сделанная 22 июля, — отозвались с большим неудовольствием, что доселе буйство крестьян сих не укрошено и что всякий раз, когда его величество проезжает, крестьяне сии, выходя, беспокоят его величество неосновательными просьбами своими». Александр приказал направить в вотчину воинскую команду и держать её там, «доколе всё не придёт в совершенный порядок», а также отыскать и наказать зачинщиков.

16 июля воинская команда в составе батальона вступила в вотчину. Но ещё накануне «возмутившиеся крестьяне с женами, детьми и имуществом, оставя только порозжие дома, сами вооружась ружьями, бердышами и кольями, скрылись в леса». Попытка предводителя с помощью воинской команды вернуть беглецов привела к столкновению, сопровождавшемуся перестрелкой. Власти вынуждены были признать своё бессилие найти скрывавшихся «по обширности лесов и непроходимости мест». Министр внутренних дел тем не менее настаивал на поимке беглецов, боясь новой встречи крестьян с Александром. Для умирения крестьян вынужден был выехать сам губернатор.

Между тем прошением от 24 июля крестьяне сообщили Александру, что губернатор скрывает от них копию указа, которую, по сведениям крестьян, они должны были уже получить. Эта новая подача прошения окончательно раздражила царя. Кн. Волконский, пересылая это прошение министру внутренних дел, передал повеление Александра предписать губернатору «никого из неповинующихся крестьян оной вотчины ни в столицу, ни на большую дорогу для подачи просьбы не допускать». Об этом было сообщено губернатору. Военные власти обязались оказывать местному начальству всяческое содействие.

Перед местными и военными властями, таким образом, ставилась задача — не допустить встречи крестьян с царём. Губернатор всеми силами постарался устроить «всё возможно лучшим образом для совершенно спокойного путешествия его величества». Он прибыл с воинской частью в Порхов, чтобы оградить царя от народа, но был бессилён перехватить крестьян в непроходимых лесах. Пришлось охранять лишь дорогу, по которой 5 августа должен был проехать Александр, направляясь в Варшаву. Особая рота была выделена для охраны ст. Боровичи. Узнав, что крестьяне пробираются в Лужский уезд, чтобы встретить царя, губернатор двинул часть роты вперёд по большой дороге, сообщив о движении крестьян начальнику главного штаба.

Однако все эти меры были тщетны. При появлении первой коляски царского поезда до 80 крестьян вышли из лесу и направились на дорогу. Против солдат, пытавшихся отогнать крестьян, были пущены в ход колья и камни. Во время схватки трое солдат и трое крестьян были ранены. В этот момент показалась царская коляска. Продолжать побоище в присутствии царя было неудобно, да и небезопасно для коронованной особы. Поэтому начальник воинской команды приказал солдатам отступить. Воспользовавшись этим, крестьяне вышли на дорогу и положили на неё своих раненых товарищей, преградив таким образом путь царю. Александру пришлось остановиться.

Возбуждённые крестьяне просили царя взять их в казну и освободить от крепостного рабства. В ответ на эти просьбы царь приказал начальнику воинской команды арестовать крестьян. Но возбуждение их было столь велико, что сразу выполнить высочайшее приказание власти не рискнули. Решено было взять крестьян обманом. Под предлогом, что им будет объявлена «высочайшая воля» в Боровичах, их увели на станцию. Раненых крестьян убрали с дороги, и царь мог продолжать свой путь. В Боровичах крестьяне были окружены солдатами, связаны и отправлены в вотчину. Повидимому, Александр I остался доволен таким благополучным исходом встречи с «верноподданными» и изъявил губернатору своё «высочайшее благоволение». На крестьян встреча с царём подействовала отрезвляюще. Подача прошений Александру прекратилась¹⁴.

Как уже указывалось, одной из мер, к которым прибегал Кашталинский, чтобы заставить крестьян платить непосильный оброк, была угроза перевода на барщину. К этой угрозе, а иногда и к фактическому переводу на сельскохозяйственную или фабрично-заводскую барщину прибегали и другие помещики в случае, если крестьяне не уплачивали требуемых сумм. Крупное волнение на этой почве вспыхнуло в Костромской губернии в 1817—1819 гг. среди крестьян помещицы Н. Ф. Грибоедовой, матери знаменитого писателя. Ей принадлежало село Троицкое-Салтыково и 20 деревень в Кологривском уезде. Грибоедова приобрела имение в ноябре 1816 года. В нём числилось 777 крестьян мужского пола. В имении было 17 143 десятины земли, из которых более 13 тыс. десятин находилось под строевым и дровяным лесом; одной пашни насчитывалось 3030 десятин, сенокосных угодий 182 десятины; надо полагать, что, кроме чисто сенокосных угодий, был и покос в лесу. Имение, следовательно, было многоземельным. На ревизскую душу приходилось 3,8 десятины пахотной земли, или 7,5 десятины на тягло. Имение лежало на судоходной реке Нее, имеющей сообщение с Волгой. Это делало возможным сплав строевого и дровяного леса. Троицкое было торговым селом. Через него проходил большой тракт, и крестьяне имели дополнительный доход от проезжающих. На богатство и населённость Троицкого указывает и заведение там казённым ведомством питейного дома. Значительная часть крестьян уходила на заработки на сторону, занимаясь шерстобитным промыслом и шитьём крестьянского платья.

Затратив на приобретение имения довольно крупный капитал, Грибоедова рассчитывала с лихвою вернуть его, усилив обложение крестьян. Она заплатила за имение 235 тыс. рублей, по 302 рубля за душу мужского пола. Чтобы собрать такую сумму, помещица продала своё рязанское имение, заняла часть денег у частных лиц и заложила вновь приобретённую вотчину в опекуном совете. В расчёте на крупные заработки крестьян она сочла возможным обложить их оброком по 100 рублей с тягла, что должно было дать ей при 400 тягл 40 тыс. рублей в год, т. е. 51 рубль 70 копеек с ревизской души. Сверх того Грибоедова потребовала столовый запас — с каждого тягла по 4 аршина тонкого холста,

¹⁴ ЦГИАЛ. Министерство внутренних дел. Департамент полиции исполнительной. 1818 г., д. № 302.

четверти аршина чёрного сукна, по фунту коровьего масла, четверти фунта белых грибов, четверти барана, 10 яиц и одной птице.

При прежних владельцах (они были малолетними, и имение находилось в опеке) крестьяне состояли на оброке, привыкли к большой самостоятельности и мало чувствовали крепостную зависимость. Они платили помещикам 13 тыс. рублей в год, что составляло в среднем по 16 рублей 70 копеек с души, без всяких дополнительных сборов, т. е. в три раза меньше, чем потребовала от них Грибоедова, хотя и оброк в 16 рублей 70 копеек с души сравнительно с оброком соседних помещичьих крестьян был выше среднего.

Подавая в 1817 г. прошение, Грибоедова писала о приобретённых крестьянах, что при опеке они были «без всякого присмотра» и сделались «совершенно развратны и своевольны». Они «едва только узнали о покупке их ею и, не зная её лично, вознамерились воспротивиться её власти, в чаянии через то сделаться казёнными».

Были и другие обстоятельства, мешавшие претворению в жизнь планов помещицы. В вотчине имелась богатая верхушка так называемых первостатейных крестьян. Это были торговцы лесом, содержатели постоялых дворов и т. п. Эта часть крестьян была заинтересована в сохранении старых порядков самоуправления и оброчной системы.

С другой стороны, имелись недостаточные крестьяне. Это отметил даже уездный судья Сальков, обследовавший состояние грибоедовских крепостных в июле 1817 года. Крестьяне в прошениях также неоднократно указывали, что среди них есть бедняки, которым не под силу платить повышенный оброк. Шерстобиты и швецы крестьянского платья вряд ли были «первостатейными», скорее это были полупролетарии, существовавшие в значительной степени за счёт продажи своей рабочей силы. Земледелие далеко не могло их обеспечить. Пахотная земля, по их словам, «родит хлеб очень посредственный и то быв с великим трудом обработана и весьма много удобрена, без чего совсем бывает бесплодна». Грунт «песчаный и столь каменистый, что женщины обрабатывать его совсем не могут».

Малосостоятельная часть крестьян, повидимому, улачивавшая без недоимок оброк прежним владельцам, не в состоянии была внести суммы, требуемой Грибоедовой. Конечно, при круговой поруке за бедных крестьян могли платить «первостатейные». Но трицкие богачи не желали поступаться барышами для поддержания маломощных крестьян. Они вообще хотели сохранения в вотчине старых порядков — старой оброчной системы и самоуправления — и не останавливались перед крупными затратами по ведению дела против помещицы. Они жаждали воли и готовы были заплатить за выкуп вотчины 235 тыс. рублей. В этой борьбе против помещицы за ними шла вся крестьянская масса.

Грибоедова была, очевидно, не прочь отпустить крестьян на волю за большой выкуп. В одном из своих приказов она предложила своим крепостным выкупиться в «вольнопашцы», внося по 600 рублей за ревизскую душу, что дало бы ей возможность получить за них 466 200 рублей, т. е. почти вдвое большую сумму, чем было затрачено на их приобретение. Но крестьяне, за исключением небольшой группы, не в состоянии были внести столь дорогой выкуп. Следовательно, приходилось решать вопрос в рамках крепостных отношений.

Грибоедова, как уже говорилось, сделала было попытку получить проценты на капитал, сохраняя оброчную систему. Но она быстро убедилась, что преувеличила платёжную способность средних крестьянских хозяйств. Тогда она решила открыть собственные предприятия. Уже раннею весною 1817 г. она начала готовиться к заведению господской экономии и заводов. Она проектировала открыть «на коммерческих на-

чалах весьма необширный стекольный завод», а также винный и суконную фабрику.

Но все эти планы помещицы разбивались о стойкое противодействие крестьян. Почти все распоряжения Грибоедовой, относившиеся к устройству стекольного завода, остались невыполненными. Попытка завести собственную запашку за счёт половины крестьянской пашни и введения трёхдневной барщины также встретила сопротивление. Сверх уплаты 11 600 рублей столового запаса крестьяне не выполнили ни одного из её распоряжений. Когда летом 1817 г. Грибоедова прислала поверенного для осмотра и описи вотчины, крестьяне попросту выгнали его из селения.

В то же время они стали подавать жалобы на помещицу. Ходок Никифоров в марте 1817 г. подал прошение на имя царицы, а в июне ему удалось подать жалобу лично Александру I. Последняя была направлена в комитет министров. Никифоров жаловался на непосильность обложения и тяжесть господских работ. Он заявлял о готовности крестьян платить по 15 тыс. рублей в год, но в то же время просил разрешить миру выкупиться, внося в рассрочку 235 тыс. рублей, с правом последующего перехода в ведомство уделов. Просьба о выкупе была признана «невместной», обложение после обследования также было признано необременительным. Никифоров был предан суду, наказан плетью и сослан в Сибирь. Александр I распорядился поручить надзор за крестьянами и именем соседним дворянам, участвовавшим в расследовании положения крестьян; иными словами, установил опекуновское управление.

Однако это не успокоило крестьян; они продолжали посылать новых ходоков и упорно не платили оброка. Их настроение становилось всё более воинственным. В 1818 г. Грибоедова, а затем и губернатор сочли необходимым ввести в имение воинскую команду.

Последующие события ясно показали силу озлобления крестьян. Когда 9 ноября в вотчину приехали член земского суда, уездный стряпчий и двое надзирающих дворян, то крестьяне не только не согласились подчиниться их требованиям, но «в азартном виде», произвели «неприличные действия». При попытке исправника арестовать 9 более «буйных» крестьян никто из них не вышел на вызов. Когда же исправник схватил одного из крестьян, то остальные, вырвав его из рук исправника, спрятали в толпе, схватили колья и поленья и заявили, что при попытке взять хоть одного из них перебьют кольями всех чиновников. На другой день крестьяне не явились на сход в указанное им место, и чиновникам пришлось идти на крестьянскую сходку. На убеждения платить оброк или ходить на трёхдневную барщину крестьяне ответили отказом. «Озлобленные поселяне, — писал губернатор, — находясь с приготовленными кольями, остались при прежнем упорстве», не соглашаясь ни на то, ни на другое. Чиновникам не оставалось ничего другого, как уехать из вотчины.

Хотя среди крестьян выделилась группа, согласная повиноваться, главная масса их оставалась непокорной. Все предписания, объявленные земским судом, они называли выдуманными. Крестьяне произвели перевыборы вотчинных властей и вновь послали ходоков для подачи всеподданнейшего прошения о приёме их в удельное или казённое ведомство.

В декабре 1818 г. комитет министров постановил ввести в имение воинскую команду, и в конце февраля 1819 г. туда было направлено около 200 солдат костромского внутреннего гарнизонного батальона во главе с майором Бракелем 2-м. Крестьяне решили не впускать в селение эту «разбойничью команду». В количестве 400 человек они собрались в первой находившейся по пути солдат деревне, Пустошках, вооружившись кольями, палками и даже ружьями. Как сообщали военные власти, в распоряжении крестьян было до 50 ружей, а в апреле — даже до 300 ружей и пушка.

Зная о воинственных настроениях крестьян, костромское начальство предписывало Бракелю приблизиться к селениям осторожно и, «ежели крестьяне будут упорствовать и не будут впускать команды, то не входить, а занять квартиры поблизости». На предварительную разведку выехали исправник и квартиртеры. Не доезжая Пустошек, они встретили на дороге толпу в 400 человек. Окружив их, крестьяне «объявили им с криками и угрозами, что они военную команду в свои селения не пустят, и, доколе она не отойдет, они из толпы не разойдутся». Военская команда расположилась в двух верстах от Пустошек. На место выехал начальник гарнизонного батальона Кашпиров. 7 марта он сообщил, что не решается действовать силою, считая команду слишком незначительной против 400 вооружённых крестьян, выражающих готовность защищаться до конца. Примерно в это же время крестьяне, напав на конвой в 30 человек, освободили арестованных, которых везли в город. Они посадили освобождённых «с собою на лошадей» и увезли, «неизвестно куда».

После того как воинская команда была увеличена до 300 человек, Бракелю удалось занять некоторые селения вотчины. Но все увещания подчиниться высочайшему повелению не действовали на крестьян. «Напротив, они,— сообщал Кашпиров,— час от часу ожесточают и свирепствуют до такой степени, что из разных селений собравшиеся в Пустошки женщины и мужчины решительно объявляют, что намерены защищаться от военной команды до самой смерти, будучи вооружены сверх деревянных орудий ружьями до 300 и одною пушкою, но какого рода, неизвестно. Бунтующие крестьяне подтверждают, что ежели будет прислано против них военной команды и до 1000 человек, они и тогда ни под каким видом не покорятся, пока не увидят при команде пушечного орудия». Бракель не решался силою занять остальные селения, «дабы не последовало большего урона, как со стороны военной, так и крестьян».

Получив известие об упорном сопротивлении грибоедовских крестьян, Александр I потребовал подавления его любыми мерами. В вотчину Грибоедовой был командирован окружной генерал внутренней стражи Гладков с предписанием употребить «все меры, какие только будут признаны необходимыми обще с губернским начальством, к скорейшему усмирению крестьян и окончанию сего дела».

29 апреля Гладков и губернатор прибыли в вотчину. Воинская команда была увеличена до 652 человек. Для переговоров с крестьянами, стоявшими попрежнему около деревни Пустошки, был послан чиновник Голембовский. Он довел до сведения крестьян воззвание Гладкова. «Прислан я к вам,— писал Гладков,— по высочайшей государя императора воле, как к мятежникам, для восстановления тишины, порядка и повиновения силою военного оружия». Гладков предоставлял крестьянам три дня на размышление, после чего грозил военною расправою, если они не принесут полного раскаяния. Он угрожал, что «многих убьют... дома от огнестрельного оружия могут погореть и разрушиться» и т. д.

Но никакие угрозы и внушения губернатора и генерала Гладкова не действовали на крестьян. Они решительно заявили, что не впустят войска в селения и «оныя защищать будут до последнего человека».

Тогда, как сообщается в донесении министра Вязьмитинова в комитет министров о кровавой расправе Гладкова над грибоедовскими крестьянами, «28 апреля по пересечении всех путей к побегу толпищ бунтующих под деревню Пустошкой силою военного оружия разогнато, и подсыреваемые в главнейшем бунтовстве схвачены». «При сем случае из бунтовавших крестьян ранено 4 человека и одна женщина, бывшая в мужском платье». Надо полагать, принимая во внимание наличие у крестьян оружия, их ожесточение и количество использованных против них войск, что число жертв не ограничилось пятью. Известно, что официальные реляции преуменьшали количество жертв при усмирении.

30 апреля все 20 деревень Грибоедовой были заняты солдатами, как сообщалось в официальных донесениях, «без всякого сопротивления». Крестьяне дали подписку об уплате оброка. 300 солдат воинской команды были оставлены в вотчине до полной уплаты оброка. К июлю оброчные деньги (53 тыс. рублей) были полностью собраны.

Однако положение в имении продолжало оставаться напряжённым. Грибоедова попрежнему была отстранена от управления, имение продолжало находиться под опекой. Несмотря на то, что наиболее «опасные» из крестьян были высланы в Сибирь, помещица не была уверена в невозможности нового «бунта». Этими причинами отчасти и объясняется то, что 4 ноября 1819 г., через полгода после подавления волнения, она продала имение княгине Долгорукой¹⁵.

Бурные и упорные волнения крестьян 1816—1820 гг. завершились массовым Донским движением, охватившим более 44 тыс. крестьян Земли Войска Донского и Екатеринославской губернии, закрепощённых в конце XVIII века. Начавшееся в 1818 г. в сальских слободах (на р. Сале) движение перекинулось в январе 1820 г. в Миусский округ, а затем — в три уезда Екатеринославской губернии (Ростовский, Бахмутский и Славяно-сербский). Усмирение крестьян было поручено генералу Чернышёву. Ему была предоставлена вся полнота власти, свободное распоряжение военными силами и право немедленного суда и расправы. На усмирение крестьян сальских слобод были двинуты три казачьих полка, располагавших 4 пушками.

Центром обороны крестьян стала слобода Мартыновка на Миусе. Сюда сошлось, по словам Чернышёва, до 5 тысяч крестьян (екатеринославский вице-губернатор Шемиот сообщал другую цифру — 10 тысяч; по другим сведениям, число крестьян достигало 20 тысяч). Крестьяне были вооружены дубинами, кольями, цепями, косами, частично ружьями. В Мартыновку слали гонимых из других селений за сведениями и копиями указов, которыми, по убеждению крестьян, им была дарована воля от царя, скрываемая чиновниками. В Мартыновке действовала даже особая «общественная канцелярия», как бы центр повстанческого движения. Были созданы пикеты, разъезды, караулы. Первым подошёл к Мартыновке атаманский полк. Но его атаки были отбиты, а казакам одной из сотен пришлось даже спастись вплавь через Миус. Полк вынужден был отступить, ограничившись блокадой села до прихода главных сил Чернышёва.

Чернышёв двинулся на Мартыновку, имея в своём распоряжении 5 казачьих полков, два эскадрона лейб-казачьего полка и симбирский полк с 6 пушками. Хотя Чернышёв и уверял, что крестьяне были обезоружены им без всяких жертв, но, по сведениям, которые сообщает А. А. Карасёв, пользовавшийся также устными источниками, Чернышёв усмирлял крестьян «главнейше пушками», из которых «сделал несколько залпов»¹⁶. «Только картечь заставила (крестьян.—И. И.) побросать колья, и бунтовавшие разбежались». Арестованные крестьяне долгое время не соглашались повиноваться. После двухдневных «убеждений» из 4 тыс. арестованных выразили раскаяние только 8 человек.

После падения Мартыновки Чернышёв сравнительно легко ликвидировал другие центры движения. По его словам, им были усмирены 256 селений. Подарлено было волнение крестьян и в Екатеринославской губернии. Кроме Чернышёва, здесь оперировал екатеринославский вице-губернатор Шемиот, в распоряжении которого находились 4 эскадрона мариу-

¹⁵ ЦГИАЛ, Министерство внутренних дел. Департамент полиции исполнительной. 1817 г., д. № 64; см. также Н. Варадинов. История Министерства внутренних дел Ч. II, кн. I, стр. 560—562. СПб. 1862; С. Середони. Исторический обзор деятельности комитета министров. Т. I, стр. 348. СПб. 1902.

¹⁶ А. Карасёв. Чернышёв на Дону («Исторический Вестник» за 1903 г., июль, стр. 227) и Донские крестьяне («Труды Донского войскового статистического комитета». Вып. I, стр. 84. 1837).

польского гусарского полка и 1200 казаков. Главное внимание усмирителей было направлено на то, чтобы не дать движению перейти в Слободско-украинскую и Воронежскую губернии, где крепостное население уже прислушивалось к толкам о волнении.

Крестьян судила комиссия, составленная Чернышёвым. Приговоры немедленно приводились в исполнение. По списку войскового атамана Денисова, к ответу было привлечено 318 человек, 217 из них были приговорены к телесному наказанию: 6 — к наказанию кнутом с последующею отдачею в Нерчинск на каторжные работы, 150 — к наказанию плетью, 61 — розгами; 18 человек после наказания были высланы в Сибирь на поселение, 3 отданы на военную службу в Сибирский корпус, 61 отослан на Луганский литейный завод. На этот же завод на работы было отослано 4 человека без телесного наказания; 5 без телесного наказания были посланы в Сибирь на поселение¹⁷.

Хотя Донское движение было подавлено, оно напугало правительство Александра I. Политика Александра приняла ещё более реакционное направление. Проекты ликвидации или хотя бы смягчения крепостного права были отложены. Девизом Александра стало «повиновение прежде всего». Губернаторам был разослан секретный циркуляр от 10 июля 1820 г. с требованием прекращать неповиновения «немедленно» и в случае надобности применять меры «военного понуждения». В циркуляре указывалось, что «неповиновения не должны быть терпимы, какой бы ни был источник их».

В селения чаще стали вводить воинские команды, усилились репрессии против неповиновавшихся. Воинские команды оставались в сёлах на иждивении крестьян до тех пор, пока крестьяне не соглашались на полное повиновение. Разорение, к которому нередко приводили постой солдат, считалось одним из наиболее действенных способов усмирения крестьян. Была усилена власть помещиков. Им снова дали право без суда и следствия отправлять крестьян в Сибирь (указ 1822 г.).

Не удивительно, что при таких драконовских мерах число волнений за последние 5 лет первой четверти XIX в. уменьшилось. В 1821 г. было лишь 7 затяжных (первичных) и единичных волнений, в 1822 г. — 13, в 1823 г. — 11, в 1824 г. — 6, в 1825 г. — 12, между 1821 и 1825 гг. — 6, а в общей сложности — 55.

Но значительная часть этих волнений носила затяжной характер. Если мы рассмотрим затяжные (продолжающиеся) волнения по годам, то увидим, что число их почти равнялось числу единичных и затяжных (первичных).

Год	Единичные и затяжные (первичные) волнения	Затяжные (продолжающиеся) волнения	Всего
1821	7	13	20
1822	13	9	22
1823	11	11	22
1824	6	5	11
1825	12	8	20

Как видим, в 1821 г. затяжных (продолжающихся) волнений было больше, чем затяжных (первичных) и единичных. В 1823 г. количество тех и других сравнялось, и только в 1822, 1824 и 1825 гг. количество затяжных волнений уменьшилось по сравнению с количеством начальных и единичных.

Относительное затишье в крестьянском движении в 1821—1825 гг. было временным. Воцарение Николая I, декабристское движение и слухи о нём ускорили новый взрыв крестьянских волнений. В 1826—1830 гг. их

¹⁷ См. И. Игнатович. Крестьянское движение на Дону в 1820 году. Соц. экгиз. 1937.

насчитывалось уже 101 вместо 55 за предшествующее пятилетие. И мы видим, что в последующие десятилетия никакими жёсткими мерами невозможно было заставить крестьян стать покорными слугами своих господ.

Рассматривая в целом движение помещичьих крестьян, надо сказать следующее. В середине XVIII в., когда только намечались первые признаки распада феодально-крепостнического строя, борьба крестьян против помещиков была ещё слаба. За первую треть царствования Екатерины II (1762—1772 гг.) известно лишь около 40 волнений в разных частях России. В следующие 3—4 года известия о волнениях отсутствуют. Затем разражается крестьянская война под руководством Е. Пугачёва, в которой принимают участие не только помещичьи крестьяне, но и казаки, башкиры, крестьяне, приписанные к горным заводам, экономические, дворцовые и др. После кровавого усмирения Пугачёвского восстания крестьяне на некоторое время затихают. С 1774 по 1776 г. известно лишь 18 волнений в 20 вотчинах. С воцарением Павла I, сына Петра III, под именем которого действовал Пугачёв, у крестьян возрождается надежда на освобождение от крепостной неволи. В 1796—1797 гг. возобновляется борьба против помещиков. В первый же год правления Павла I крестьянскими волнениями было охвачено 17 губерний. Но лишь в двух случаях «бунты» были подавлены военною силою, имелись убитые и раненые (23 убито и 75 ранено). В большинстве случаев дело ограничивалось приездом представителей администрации или вводом воинских команд. После 1796—1797 гг. наблюдается спад крестьянского движения. С начала XIX в. затишье сменяется новым, всё нарастающим подъёмом классовой борьбы крестьян.

Во второй четверти XIX в. количество крестьянских волнений резко увеличивается. Классовая борьба становится напряжённее. Если за первую четверть XIX в. нам известны волнения в 281 имении (в среднем 11 волнений в год), то за последующие 29 лет (1826—1854 гг.) известно уже не менее 712 волнений (в среднем 25 волнений в год). Резко усиливаются репрессии правительства против волнующихся крестьян. Достаточно напомнить о военно-судных комиссиях. За вторую четверть XIX в. имели место 80 случаев предания крестьян военному суду. Количество вводов воинских команд со 150¹⁸ за первую четверть XIX в. увеличилось до 259 за последующие 29 лет.

Очевидно, влиянием Отечественной войны 1812 г. объясняется то, что в первой четверти XIX в. было больше вооружённых столкновений крестьян с воинскими командами, чем во второй. В первую четверть было 18 столкновений, во вторую — лишь 8. «Буйство» и грубость по отношению к чиновникам во время волнений в первой четверти XIX в. наблюдались в 49 имениях; избиения, нападения на чиновников и другие насильственные действия против них — в 22 имениях. Во второй же четверти XIX в. «буйство» и грубость по отношению к чиновникам отмечены только в 15 случаях, избиения и прочие насильственные действия — в 10.

Самовольное переизбрание вотчинных начальников отмечено в 27 имениях; случаи «буйств» и угроз по адресу помещиков и вотчинных начальников в первую четверть XIX в. имели место при 35 волнениях; во вторую четверть первых случаев известно 22, вторых — только 17. Но в то же время в первую четверть XIX в. случаи избиения вотчинных начальников отмечены при 12 волнениях, в то время как во второй четверти — при 24.

Упорство крестьян в классовой борьбе во второй четверти XIX в. возросло. Всё чаще и чаще правительство и помещики оказывались бессильны репрессиями заставить крестьян отказаться от открытой борьбы.

¹⁸ Сюда не входят военные силы, использованные для подавления Донского движения 1820 года.

За первую четверть века затяжных волнений было 77, за вторую четверть — 68. В одних случаях волнения тянулись непрерывно, в других давали вспышки на протяжении ряда лет, с промежутками относительного затишья. Из 77 затяжных волнений первой четверти XIX в. можно отметить 62 волнения, которые выразились в более или менее длительных вспышках (от 2 до 7 вспышек в каждом). Известны случаи, когда в одном имении волнение длилось с перерывами в течение 18 лет, в двух — в течение 11 лет, в десяти — от 3 до 9 лет и в девятнадцати — по 2 года. Волнение крестьян помещицы Закашевской тянулось почти 38 лет, с 1811 по 1848 год. Для второй четверти XIX в. известны факты, когда в 14 имениях волнения длились от 10 до 30 лет, в 29 имениях — от 3 до 9 лет, в 24 имениях — до 2 лет. Как видим, крестьяне, вступив на путь классовый борьбы, упорно поднимались на неё снова и снова, несмотря на репрессии, и это упорство заметно усилилось во второй четверти XIX века.

Необходимо также отметить, что наряду с ростом волнений во второй четверти XIX в. резко развилась и другая форма классовой борьбы против феодально-крепостнического строя — массовые побеги помещичьих крестьян в места, где якобы давали волю. Под влиянием таких слухов в середине 20-х годов совершались массовые побеги из Воронежской, Саратовской, Пензенской, Симбирской губерний. Крестьяне надеялись быть поселёнными на свободных землях по Уралу. В начале 30-х годов бежали из Саратовской, Курской, Симбирской и Нижегородской губерний на Кавказ записываться в казаки. В 1834 и 1837 гг. целыми партиями бежали на Кавказ из Воронежской губернии. В 1839—1840 гг. туда же бежали из Подольской, Херсонской и Волынской губерний. В 1841 г. из одного только уезда Могилёвской губернии бежало до тысячи человек. Бежали из Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Подольской, Волынской губерний. Толпами бежали на Кавказ и в 1845 году. В 1847 г. из Саратовской, Курской и Воронежской губерний бежало до 1300 человек. В Курской губернии готовились к побегу до 20 тыс. крестьян. Их удалось остановить лишь с помощью военной силы. В том же 1847 г. вспыхнуло стихийное движение в Витебской губернии. Крепостное население отсюда двинулось в Центральную Россию, где будто бы уже дали волю. Иные крестьяне шли с надеждой после сдачи жалоб царю на панов получить освобождение.

В 1854 и 1855 гг. массовое движение охватило ряд губерний в связи с призывом правительства поступать в морское (1854 г.) и государственное (1855 г.) ополчения. Под влиянием слухов, что ополченцы будут освобождены от крепостной зависимости, крестьяне толпами направлялись в уездные и губернские города, в Петербург и Москву для поступления в ополчения. В 1854 г. указанное движение охватило крестьян 10 губерний; в 1855 г. с ещё большею силою оно вспыхнуло в 6 губерниях Центральной России и в Киевской губернии. В той же форме массовых побегов за волей в ряде губерний происходило движение в 1856 году. Только в двух уездах Екатеринославской губернии число бежавших доходило до 9 тысяч. В Херсонской губернии в июне бежало до 3 тыс. человек. Местными властями было задержано 20 тыс. крестьян, бежавших из Екатеринославской и Херсонской губерний¹⁹. Массовые побеги совершались из Черниговской, Полтавской, Харьковской, Курской, Орловской губерний в Крым, «в Таврию» под влиянием всё тех же слухов о воле.

Правительство было сильно обеспокоено этими массовыми побегами. Для борьбы с ними в 30-х годах в места побегов был командирован флигель-адъютант, помимо гражданских и военных чиновников; высланы воинские команды. Известен случай столкновения бежавших в 1847 г.

¹⁹ ЦГИАМ. Архив III отд. с. е. и. в. канц. IV экспедиции, 1856 г., д. № 153.

из Курской губернии крестьян с воинской командой. Крестьяне напали на солдат, обезоружили их, а чиновников связали. В том же году против бежавших из Витебской губернии крестьян правительство вынуждено было бросить пехотный полк с приданными ему батальоном, двумя ротами солдат, местным гарнизонным батальоном и инвалидной командой. Усмирением крестьян руководили генерал-губернатор и два флигель-адъютанта. Военному суду было предано около 100 человек; до 4 тыс. крестьян было наказано розгами.

В 1854 г. для задержания бежавших крестьян также были посланы войска и 2 флигель-адъютанта. В 1855 г. в места волнений были посланы 2 флигель-адъютанта. В 1854—1855-е военные годы пришлось двинуть на усмирение крестьян 16 эскадронов кавалерийской дивизии, 2 роты сапёров, резервный батальон белевского егерского полка и дивизион солдат. В Киевской губернии между крестьянами и воинскими командами происходили кровавые столкновения. По официальным данным, число убитых достигло 36, раненых — 57; в действительности раненых и убитых было значительно больше. В Воронежской губернии в результате столкновения с солдатами было ранено 9 крестьян, из них 5 — тяжело. В 1856 г. для пресечения побегов вновь пришлось командировать флигель-адъютанта, опять происходили кровавые стычки между крестьянами и воинскими командами. Таких столкновений, по официальным данным, было 6. Число убитых равнялось 5 и раненых — 50.

Массовые побеги крестьян (особенно в 1854—1856 гг.), бросавших родные места и уходивших с жёнами и детьми, со всем домашним скарбом в далёкие незнакомые места в надежде получить волю, готовность их силою защищать свою независимость не могли не привлечь внимания правительства.

Побеги наряду с другими, более острыми формами классовой борьбы крестьянства против феодально-крепостнического строя не могли не поставить перед правительством вопрос о необходимости ликвидации крепостного права.

Массовые движения крестьян явились основным фактором создания в последние два десятилетия перед так называемым освобождением крестьян революционной ситуации, которая заставила правительство отменить крепостное право, не дожидаясь, пока крестьяне отменят его сами.
